

ЗАКОН О БАНКРОТСТВЕ: МНЕНИЕ ЮРИСТА

2017 год стал во многом переломным для института субсидиарной ответственности: были приняты масштабные изменения в Закон о банкротстве, а также Постановление Пленума Верховного суда РФ, письмо ФНС, которые образовали достаточно прочный фундамент для применения института ответственности.

Предпосылками реформы стали чрезвычайно низкие показатели эффективности процедур банкротства в России: в 2017 г. доля удовлетворенных требований кредиторов составила всего лишь 5,5 %. Кредиторы в 67 % дел о банкротстве предприятий, завершаемых в 2017 г., получили ноль рублей. В международном рейтинге Doing Business по коэффициенту возвращаемых средств в процедуре банкротства в конце 2017 г. Россия заняла 54 место и соседствует с ЮАР и Чили.

Неэффективность процедур банкротства означает низкий уровень поступлений в бюджет налоговых долгов предприятий-банкротов и одновременный уход фактических бенефициаров от уплаты долгов, их незаконное обогащение за счет кредиторов. С другой стороны, у самих обманутых кредиторов все чаще возникают трудности с дальнейшим ведением бизнеса, что негативно отражается на экономической ситуации и ведет к росту количества банкротств.

Ситуация требовала коррекции и применения действенного механизма защиты интересов добросовестных кредиторов и государства. Введенная в Закон о банкротстве глава о субсидиарной ответственности содержит детальное регулирование института и вкуче с разъяснениями ВС РФ будет способствовать повышению ответственности бизнеса. Уже в IV квартале 2017 г. намечился существенный рост и количества таких дел, и размера взыскиваемых сумм: с 12 лиц были взысканы суммы более 1 млрд руб. с каждого, а максимальная сумма взыскания с одного КДЛ в IV квартале 2017 г. — 5 млрд рублей.

Ключевая новелла — это расширение круга лиц, которые могут быть привлечены к ответственности и акцент на установление фактического, а не юридического контроля. Теперь к контролирующим должника лицам (КДЛ) могут быть отнесены не только управленцы компании-банкрота (генеральный директор, члены коллегиальных органов, главный бухгалтер), но и иные лица, имеющие возможность определять деятельность должника или влиять на нее. При этом закон прямо указывает, что к ним могут быть отнесены мажоритарный акционер, фактические бенефициары, их родственники, а также любые другие лица, определяющие действия должника прямо или опосредованно, в т. ч. в силу наличия неформальных личных отношений.

Более того, КДЛ может быть признано лицо, получившее актив должника по сделке, совершенной в ущерб интересам должника и кредиторов. Соответственно, если должник продал какой-то актив формально независимому контрагенту на заведомо невыгодных условиях, такой контрагент также несет риск привлечения к субсидиарной ответственности. Таким образом, теперь КДЛ может быть признано любое лицо, вне зависимости от его формального статуса и участия в деятельности общества, в случае оказания им прямого или косвенного влияния на деятельность должника.

Новое законодательство и правоприменительная практика ужесточают основания

Валерий Еременко

*Партнер, соруководитель
судебно-арбитражной практики
Адвокатского бюро «Егоров, Пугинский,
Афанасьев и партнеры»*

привлечения к ответственности, расширяют сроки, когда такое привлечение возможно, устанавливают необходимость применения обеспечительных мер на имущество КДЛ, облегчают кредиторам процесс доказывания наличия оснований для ответственности КДЛ и пр.

С учетом данной тенденции лицам, которые потенциально могут быть отнесены к КДЛ, необходимо провести ревизию совершенных ими операций и принятых решений на предмет наличия в них оснований привлечения к ответственности. Кроме того, необходимо выработать новые модели организации бизнеса и поведения топ-менеджмента, которые в случае возможного спора защитят и смогут подтвердить добросовестность руководителя, экономическую обоснованность его действий и отсутствие выхода за пределы обычного делового риска.